

(ВАНЯ БЫЛ ГОТОВ ПОЙТИ до конца,
и только В ЭТИХ САНДАЛИЯХ)

Я ИНОГДА ДУМАЮ, что останется в памяти Маши, Вани, когда они вырастут. Ведь наверняка останется такой какой-нибудь пустяк, что я и сам про него не вспомню ни за что через несколько лет, если они мне не расскажут. А то, что кажется сейчас очень важным и даже и есть очень важное, ни за что не задержится в их головах.

Так было в свое время со мной, и вообще, мне кажется, с любым. Я помню, например, как один раз я очень ждал маму с работы, а у нас были гости, очень много гостей. Длинный стол был занят, только одно свободное место для моей мамы. И я очень боялся, что ее место кто-то займет. Потом позвонили в дверь, отец обрадовался, взял меня на руки, подошел к двери, открыл ее... там была не моя мама. И я помню, как я разревелся. Это продолжалось минуту, две, вечность. Это правда продолжалось вечно, потому что гости разошлись: продолжать делать вид, что им весело, тем более без моей мамы, в таких условиях было как-то искусственно.

И вот это все я помню прекрасно. Помню, как один за другим выходили в коридор, как нехотя обувались, как некоторые прощались со мной, а некоторые не решались, потому что я тут же, как только ко мне кто-то приближался, начинал орать еще сильнее, хотя как же, казалось бы, еще сильнее-то.

И только потом, когда я вырос, когда мне было уже много лет, но еще не столько, сколько сейчас, а полстолько, я напомнил отцу про этот случай. Я признался, что мало чего из детства запомнил, кроме него.

И он очень удивился:

— Ты не можешь этого помнить, — сказал он. — Тебе же тогда еще года не было. Месяцев семь... ну восемь...

Я тоже очень удивился. Когда я вспоминал про это, у меня не было

ощущения, что мне было месяцев семь или даже восемь. Хотя я должен был подумать и понять, что ведь почему-то отец понес меня к двери на руках.

Отец сказал, что не может быть, что именно такая деталь врезалась в мои младенческие мозги. Ведь было столько действительно серьезных событий.

— Ты, например, заболел примерно в это время очень сильно. Нам было очень страшно. Ты помнишь? Ты помнишь, как я лежал на полу и плакал?

Нет, я этого не помнил. Зато я очень хорошо запомнил, что, когда они все ушли, я сразу успокоился. И я не помнил только одного: а когда же пришла моя мама.

И вот теперь был День учителя. И утро этого дня, что-то я вдруг подумал, вполне может стать для моего сына тем же, чем для меня стал тот вечер. Потому что на самом деле ничего же не произошло такого, что обязательно должно врезаться в память.

Утром он быстро собрался. Гораздо быстрее, чем Маша. Это обычно так и бывает в последнее время. Как только он начал в этом году ходить в первый класс, он стал фанатично дисциплинированным. (Я надеюсь, это пройдет.)

Но все равно они уже опаздывали. А выяснилось, что надо еще захватить за цветами для двух учительниц. И мы решили, что я с ним поеду, а Машу мама отвезет через несколько минут. Ничего особенного не происходило. Обычное утро. Вообще ничего особенного.

Пока мы ехали с ним три минуты до цветочного киоска, Ваня рассказывал, что его учительница очень любит розы. Розы надо было обязательно купить, он точно не знал, что любит учительница Маши, поэтому сказал, что это просто должен быть очень дорогой букет.

Все так мы и сделали. Выскочили из машины под таким ливнем, как будто сверху кто-то строчил пулеметными очередями, заскочили, спасаясь, в цветочный киоск.

— Ваня, — говорю я, — выбирай!

Он долго озирился, не в силах принять решение.

— Ваня, — тогда сказала ему продавщица, — пойдем, я тебе очень хороший букет покажу.

Она вытащила его на улицу, под козырек, и показала и в самом деле замечательный букет. В нем было много маленьких кустовых розочек и несколько грандиозных чайных.

Ваня не очень обрадовался букету. По-моему, он сам хотел его выбрать. Если бы он выбрал даже этот же самый букет, он бы обрадовался гораздо больше. Но у нас не было времени, и я купил этот букет и еще один. Все равно Ваня точно не знал, какой нужен. Я ему сказал, что и правда букет получился дорогой. Он кивнул.

Дорогу, которая заняла еще минут шесть-семь, он молчал. Только когда подъехали, спросил:

— Папа, мы опаздываем?

— Еще четыре минуты до звонка, — сказал я.

Когда мы дошли до раздевалки, их было уже три. Ваня мгновенно скинул с себя куртку и сапоги, в которых вышел из дому. Он был великолепен. Пиджак из твида, белоснежная рубашка с пуговичками на воротничке, шерстяной галстук, который я ему привязал (а он не верил, что я на это способен)...

Оставалось только надеть черные лаковые ботинки, которые я захватил из дома. Он надевал их только один раз, на праздничную линейку 1 сентября. И они ему не понравились. Это был не каприз, новые ботинки натерли ему ноги. Да и вообще, когда в августе я ему покупал их, они вроде были

даже слишком большими, а теперь, казалось, еле налезают на его ноги. Что-то произошло с этими ботинками. Не мог он так быстро, за месяц, вырасти.

Следующие три минуты он по моему требованию пытался надеть эти ботинки. Ну никак. Он и расшнуровывал их, и топал в них, и кривился от боли.

— Да еще, еще расшнуруй! — повторял я, глядя на часы.

Он пытался расшнуровать. Потом прозвонел звонок. Тут Ваня посмотрел на меня, положил ботинки в угол, достал из своего шкафчика какие-то заношенные сандалии, мгновенно обул их — и остановился как вкопанный, опустив голову.

Я заглянул ему в глаза. Он плакал. Он только что совершил очень серьезный поступок и теперь плакал, потому что ни за что не собирался отказываться от того, что он сделал. Он не психанул. Он подумал и сделал. Он был готов пойти до конца, и только в этих сандалиях. И ему, по-моему, было страшно. Но он был готов.

В сандалиях и в этом костюме с галстуком он выглядел очень трогательно. Еще трогательнее выглядели слезы на его щеках. И мне вдруг стало очень больно, и тоже — до слез.

Так мы с ним и стояли еще несколько секунд.

— Бери быстрее букет! — вышел я наконец из оцепенения. — Идем. Все правильно, Ваня!

— Я на урок опоздал, — прошептал он.

— Слезы вытри, — сказал я. — Учительница не должна этого видеть. У нее праздник. Ты все правильно сделал.

— Я на урок опоздал, — повторил он.